

Русские народные сказки. А. Н. Афанасьев. Василиса Поповна

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был Василий-поп. У него была дочь Василиса Васильевна. Одевалась она в мужское платье, ездила верхом на лошади, стреляла из ружья и всё делала совсем не по-девичьи, так что очень немногие знали, что она – девушка, а думали, что она – мужчина, и звали её Василием Васильевичем; а больше потому, что Василиса Васильевна была охоча до водки; а это, знаешь, девушкам совсем не к лицу. Вот единова царь Бархат (так звали царя той стороны) поехал поохотиться за дичинкой, и ему навстречу попалась Василиса Васильевна. Ехала она верхом в мужской одежде тоже за охотой. Царь Бархат, увидав её, спрашивает у своих слуг:

– Кто это такой молодой человек?

Один слуга ему и отвечает:

– Это ведь, царь, не мужчина, а девушка; мне доведомо известно, что это дочь попа Василя и что зовут её Василисой

Васильевной.

□Лишь только царь Бархат воротился до двора, тотчас написал к попу Василию грамотку, чтобы он своего сына Василия Васильевича отпустил к нему в гости отведать царского стола. А между тем сам пошёл к бабушке-задворенке-ягинишне и давай её выпытывать, как бы узнать, что Василий Васильевич точно девушка. Бабушка-задворенка-ягинишна и говорит ему:

– Ты по праву-то руку в палате своей повесь пяла^[1], а по леву-то руку ружья; если она точно Василиса Васильевна, то, когда взойдёт в палату, прежде всего хватится за пяла, а если – Василий Васильевич, то за оружия.

Царь Бархат послушался бабушку-задворенку-ягинишну и велел своим слугам поставить в палату пяла и развесить ружья.

□Как только грамотка царская дошла до отца Василия и он показал её своей дочери, тотчас Василиса Васильевна пошла на конюший двор, оседлала для себя коня сивого, коня сивого-сивогривого, и прямо бух к царю Бархату на двор. Царь Бархат её встречает; она по-учтивому богу молится, по-писаному крест кладёт, на все четыре сторонушки поклон отдаёт, с царем Бархатом ласково здоровается и входит с ним в царские палаты. Сели вместе за стол и давай пить питья пьяные и есть яствы сахарные. После обеда Василиса Васильевна стала с царем Бархатом по палатам разгуливаться и как только увидала пяла, то и учала царя Бархата осуждать:

– Что то, – говорит, – такое у тебя, царь Бархат, за дрянь? У моего батюшки этакого девичья шелепетья и видом не видать и слухом не слышать, а у царя Бархата девичье шелепетье в палатах висится!

Потом она с царём Бархатом по-учтивому распростилась и поехала домой. Царь не мог изведать, что она точно девушка.

□Этак дня через два, не больше, царь Бархат посылает опять к попу Василию грамотку и просит его отпустить к нему своего

сына Василия Васильевича. Тотчас, как только Василиса Васильевна услышала об этом, пошла на конюший двор, оседлала для себя коня сивого, коня сивого-сивогривого, и пахнула^[2] прямо к царю Бархату на двор. Царь Бархат её встречает. Она с ним ласково здоровается, по-учтивому богу молится, по-писаному крест кладёт, на все четыре сторонушки поклон отдаёт. Царь Бархат по наказу бабушки-задворенки-ягинишны велел к ужину сварить кашу и начинить её жемчугом; вишь, бабушка-то сказала ему, что если она точно Василиса Васильевна, то жемчуг будет в горсточку класть, а если Василий Васильевич, то под стол кидать.

□ Вот подошло время и ужинать. Сел царь за стол, а Василису Васильевну посадил по праву руку, и стали они пить питья пьяные и есть яствы сахарные. После всего подали кашу, и как только Василиса Васильевна её хлебнула и попалась ей жемчужина, она швырк её под стол вместе с кашею и учала царя Бархата осуждать.

– Что это, – говорит, – за дрянь такая в каше наложена? У моего батюшки этакого девичья шелепетья и видом не видать и слухом не слышать, а у царя Бархата девичье шелепетье в кушанье кладут!

Потом она с царём Бархатом по-учтивому распростилась и поехала домой. Царь опять не мог изведать, что она точно девушка; а ведь это больно ему хотелось.

□ Дня через два царь Бархат по наказу бабушки-задворенки-ягинишны велел истопить баню; вишь, бабушка-то сказала ему, что если она точно Василиса Васильевна, то в баню вместе с царем не пойдёт. Истопили баню.

Опять царь Бархат пишет к попу Василию грамотку, чтобы он своего сына Василия Васильевича в гости к нему отпустил. Как только Василиса Васильевна узнала об этом, тотчас пошла на конюший двор, оседлала своего коня сивого, коня сивого-сивогривого, и прямо бухнула к царю Бархату на двор. Царь её

встречает на парадном крылечке. Она с ним ласково здоровается и входит по бархатному коврику в палаты; взошед в оные, почтливому богу помолилась, по-писаному перекрестилась, на все четыре сторонушки низехонько поклонилась; села с царем Бархатом за стол и стала с ним пить питья пьяные и есть яствы сахарные.

□После обеда царь и говорит:

– Не в угоду ли, Василий Васильевич, со мной в баньку сходить?

– Извольте, ваше царское величество, – отвечает Василиса Васильевна, – я давным-давно в бане не бывал и больно охоч париться.

Вот они и пошли вместе в баню. Поколось царь Бархат разоблакался в передбанке, она в ту пору успела искупаться, да и была такова. Царь не мог и в бане её захватить. Василиса Васильевна, вышед из бани, писала меж тем к царю писульку и велела слугам отдать ему, когда он сам выйдет из бани. А в этой писулке было написано:

– Ах ты ворона, ворона, царь Бархат! Не умела ты, ворона, сокола в саду соймасть! А я ведь не Василий Васильевич, а Василиса Васильевна.

Вот наш царь Бархат и остался на бобах: вишь, какая Василиса-то Васильевна была мудрая, да и лепообразная!

[1] – Пяльцы.

[2] – Прискакала (Ред.).

(Голосов: **1**. Рейтинг: **5,00** из 5)

Загрузка...

Русские народные сказки. А. Н. Афанасьев. Балдак Борисьевич

Во славном городе во Киеве у царя у Владимира собирались князья и бояре и сильномогучие богатыри на почестный пир. Возговорил Владимир-царь таково слово:

– Гой есте, мои ребята! Собирайтесь, сокопляйтесь за единый стол.

Собиралися за единый стол, вполсыта наедалися, вполпитья напивалися, и возговорил Владимир-царь:

– Кто бы сослужил мне службу великую: съездил за тридевять земель, в тридесятое царство, к самому салтану турецкому – увести у него коня златогривого, вышничка багрового (?), убить кота-бахаря^[1], самому салтану турецкому в глаза наплевать?

Выбирался добрый молодец Илья Муромец, сын Иванович. У царя у

Владимира была дочь возлюбленная; возговорит она таково слово:

– Гой еси, мой батюшка, Владимир-царь! Хоша хвалится Илья Муромец, сын Иванович, не сослужить ему этой службы! Распусти, батюшка, почестный пир; поди искать по своему граду по царёвым кабакам млада Балдака, сына Борисьевича, от роду семилетнего.

□И послушал царь своей дочери, пошёл искать млада Балдака, сына Борисьевича, и нашёл в кабаке – спит под лавкою. Ткнул его носком Владимир-царь; от того Балдак скочил ото сна, как ни в чем не бывал.

– Гой еси, Владимир-царь! К чему меня требуешь?

На то отвечал ему Владимир-царь:

– Прошу тебя на почестный пир.

– Не достоин я на почестный пир идти; в кабаках я запиваюсь, под ногами валяюсь.

Возговорит ему Владимир-царь таково слово:

– Когда на пир зову, надо идти; есть до тебя нужда великая.

И посылает его млад Балдак, сын Борисьевич, из кабака обратным путём в чердаки^[2] царские, а я-де скоро за тобой буду.

□Оставался Балдак один в кабаке, опохмелялся тут зеленым вином, сколько требовалось, и пошёл к царю Владимиру в чердаки бездокладочно; крест кладёт он по-писаному, поклон ведёт по-учёному; поклоняется на все стороны, самому царю в особину:

– Здравствуй, Владимир-царь! На что меня требовал?

Отвечает ему Владимир-царь:

– Гой еси, млад Балдак, сын Борисьевич! Сослужи мне службу великую: сходи за тридевять земель, в тридесятое царство, к салтану турецкому; уведи у него коня златогривого, вышничка багрового, убей кота-бахаря, самому салтану турецкому в глаза

наплюй. Бери с собой народу-силы сколько надобно; бери золотой казны сколько хочется!

И возговорит млад Балдак, сын Борисьевич:

– Уж ты гой еси, Владимир-царь! Дай мне силы только двадцать девять молодцев, а сам я тридцатый буду.

□Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается; отправлялся млад Балдак, сын Борисьевич, во путь во дорожку к салтану турецкому; приновился приехать в самую полночь. Вошёл на салтанский двор, увёл из конюшни коня златогривого, вышничка багрового, схватил кота-бахаря, разорвал его надвое, самому салтану глаза заплевал. А был у салтана турецкого любимый сад – на три версты; всякие древа в саду посажены, всякие цветы произведены. Млад Балдак, сын Борисьевич, приказал своим товарищам, двадцати девяти молодцам, весь сад повалить-вырубить, а сам достал огоньку, да тем огнём выжег всё начисто, да поставил тридцать белых тонких полотняных шатров.

□Поутру ранёшенько просыпается от сна турецкий салтан; был у него первый взгляд на свой на любимый сад, и как скоро взглянул – видит, что все деревья порублены, повыжжены, а стоят в саду тридцать белых полотняных шатров. «Кто такой наехал ко мне, – думает он про себя, – царь ли царевич, или король королевич, или сильномогучий богатырь?» Закричал тут салтан громким голосом своему любимому паше турецкому, призывает к себе его и возговорит таково слово:

– Неблагополучно в царстве моём! Дождался я русского виновника – млада Балдака, сына Борисьевича; а теперь наехал на меня... царь ли царевич, или король королевич, или сильномогучий богатырь? – того не ведаю, и как сведать – не придумаю.

□На тот совет выходит салтана турецкого большая дочь и говорит своему отцу:

– О чём вы советуете, а узнать не можете? Ох ты, батюшка турецкий салтан! Дай-ка мне своё благословение да прикажи выбрать во всём царстве двадцать девять девиц, чтобы лучше их по красе не было! Я сама буду тридцатая, я пойду в те шатры полотняные ночь ночевать и открою вам виновного.

И на то отец согласился, и пошла она к тем шатрам с двадцатью девятью девицами: лучше их по красе во всём царстве не было. Выходил к ней млад Балдак, сын Борисьевич, взял её за белые руки и крикнул своим громким голосом:

– Эй вы, молодцы-товарищи! Вы берите красных девиц по рукам, ведите их по своим шатрам и что знаете – то и делайте!

Переспали вместе единую ночь; наутро воротилась к салтану турецкому его большая дочь, говорит ему:

– Гой еси, любезный батюшка! Прикажи из белых полотняных шатров всем тридцати молодцам к тебе в дом прийти; я сама укажу виновника.

□В тот час посылает салтан турецкий к тем шатрам своего любимого пашу, чтобы позвал к нему, потребовал млада Балдака, сына Борисьевича, со всеми его товарищами. Вышли из шатров тридцать молодцев; все на один лик, словно братцы родные, волос – в волос, голос – в голос! И говорят послу таково слово:

– Ступай назад, а мы за тобой скоро будем!

Млад Балдак, сын Борисьевич молвил своим ребятам:

– Нет ли на мне какой значки? Осмотрите всего.

И оказалось на нём: по колен ноги в золоте, по локоть руки в серебре.

– Она хитра, а я разе того не разумею! – сказал Балдак и сделал у всех своих товарищей такую же значку: по колен у ребят ноги в золоте, по локоть руки в серебре; велел им

надевать на руки перчатки.

– Как заедем к салтану в дом, без приказы моего никто не сымай!

□ Вот пришли они к салтану в дом; выступает его бо́льшая дочь и узнает виновника, млада Балдака, сына Борисьевича. Говорит ей Балдак:

– Ты почём меня признаешь – по каким уликам?

Отвечает салтанова бо́льшая дочь:

– Скинь-ка с ноги сапог да с руки перчатку: тут у меня значка положена – по колен ноги в золоте, по локоть руки в серебре.

– Разве у нас таких молодцев не бывает? – и приказывает млад Балдак, сын Борисьевич, своим ребятам: – Скидавайте все с ноги по сапогу, с руки по перчатке!

Какая значка у него, такая и у всех объявилась – в покоях всё осияло! А салтан турецкий был добре милослив, на то дочери своей не поверовал:

– Врёшь ты! Мне один виновник надобен, а теперь по-твоему все тридцать оказались!

Приказал салтан турецкий:

– Убирайтесь все вон!

□ После того ещё больше закручинился, ещё больше запечалился и стал опять думать, со своим любимым пашою советовать, как бы узнать им виновного? На тот совет выходит вторая салтанова дочь и говорит салтану турецкому:

– Дай мне, батюшка, двадцать девять девиц; я сама буду тридцатая, пойду с ними к белым полотняным шатрам, переночую в тех шатрах единую ночь и открою вам виновника.

Сказано – сделано. Поутру зовёт салтан турецкий млада Балдака,

сына Борисьевича, в палаты к себе, а зовёт его с товарищами через своего пашу любимого. Отвечает Балдак по-прежнему:

– Ступай назад, а мы скоро будем!

Как скоро ушёл паша, млад Балдак вскричал своим громким голосом:

– Выходите из шатров все мои товарищи, двадцать девять молодцев; поглядите, нет ли на мне какой значки?

Тотчас все из шатров выскочили и усмотрели у него на голове золотые волосы. Возговорит млад Балдак, сын Борисьевич:

– Она хитра, а разве я не разумею того!

Сделал у всех молодцев, равно как у себя, золотые волосы и велел наложить шапки на буйные головы:

– Как будем в палатах у салтана турецкого, без моего приказу никто не сьмай!

□Как скоро вошёл млад Балдак, сын Борисьевич, со своими товарищи в палаты салтанские, – сказал тут салтан своей средней дочери:

– Узнавай, дочь любезная, который – виновник?

А она знает наверное – по тому самому, что переспала с ним единую ночь; подходит прямо к младу Балдаку и говорит:

– Вот вам виновник!

Отвечает на то млад Балдак, сын Борисьевич:

– Почём ты меня признаешь – по каким уликам?

– Сними с головы своей шапку; тут у меня значка сделана – волосы золотые.

– А разве у нас таких молодцев не бывает!» – и приказал млад Балдак всем своим ребятам скинуть шапки долой: объявились у

них золотые волосы – в покаях всё осияло!

Рассердился салтан на свою вторую дочь:

– Неправда твоя! Мне один виновник надобен, а по-твоему все оказались! – и приказал: – Убирайтесь-ка из палат вон!

□Ещё пуще запечалился-закручинился салтан турецкий; выходит третья, меньшая дочь и хулит двух старших сестёр, а сама у отца напрашивается:

– Любезный мой батюшка! Прикажи мне выбрать двадцать девять девиц – чтоб лучше их во всём царстве не было; я сама буду тридцатая и узнаю тебе виновника.

По прошенью своей младшей дочери исполнил салтан. Отправилась она к тем же шатрам ночь ночевать. Выскочил тут млад Балдак, сын Борисьевич, из своего шатра, берёт салтанову дочь за белые руки и ведёт к себе; а своим молодцам вскричал громким голосом:

– Берите-ка, ребята, красных девиц по рукам да ведите по своим шатрам.

Переночевали ту ночь, и пошли девицы наутро домой. Посылает салтан за добрыми молодцами своего любимого пашу. Идёт посол к белым полотняным шатрам, зазывает млада Балдака с товарищи в палаты к самому салтану турецкому.

– Ступай назад, а мы за тобой скоро будем!

Возговорит млад Балдак, сын Борисьевич, своим товарищам:

– Ну, ребятунки, смотрите, нет ли на мне какой значки?

Везде высмотрели, везде выглядели – не могли найти.

– Ах, братцы, видно я теперь погиб! – и стал млад Балдак просить, чтоб сослужили ему службу последнюю; раздавал им по вострой сабле и велел держать под одежу:

– А как знак подам – руби во все стороны!

□Как скоро пришли они пред салтана турецкого, выступила его меньшая дочь, указала на млада Балдака:

– Вот он, виновник-то! Есть у него под пятой золотая звезда.

И по тем речам означилась у него под пятой золотая звезда. Высылал салтан турецкий из своих палат всех двадцать девять молодцев; оставлял одного виновника – млада Балдака, сына Борисьевича, закричал на него громким, зычным голосом:

– Как возьму тебя, на одну ладонь посажу да другой прихлопну – только мокренько будет!

Отвечает ему млад Балдак:

– Гой еси, турецкий салтан! Боялись тебя цари-царевичи, короли-королевичи и сильномогучие богатыри, а я, семилетний мальчишка, тебя не боюсь: увёл у тебя коня златогривого, вышничка багрового, убил кота-бахаря, тебе, салтану, в глаза наплевал, а ещё порубил-повыжег твой любимый сад!

Осерчал салтан больше прежнего, приказал своим служителям, чтоб поставили на площади два столба дубовые, перекладину кленовую, а на той перекладине три петли сготовили: первую шёлковую, другую пеньковую, третью лычаную, и давал знать по всему городу, чтобы все, от малого до великого, собирались на площадь смотреть, как будут казнить русского виновника.

□Сам салтан турецкий садился в лёгкую повозку, брал с собой любимого пашу и меньшую дочь, что открыла виновника; а млада Балдака связали, сковали, у ног посадили, и поехали прямо к дубовым столбам. Вот дорогою завёл млад Балдак таковые речи:

– Стану я загадки загадывать, а ты, салтан турецкий, отгадывай. Добро конь идёт, на что хвост волочится?

– Не дурак ли ты? – отвечал салтан. – Конь с хвостом и на свет родится.

Немного проехали, говорит опять Балдак:

– Передние колёса конь везёт, а задние почто чёрт несёт?

– Вот дурак! Наготове до смерти с ума сошёл, в словах завирается! Мастер четыре колеса сделал – четыре и катятся.

Приехали на площадь и вышли из повозки вон; взяли виновного, развязали, расковали, повели на виселицу.

□Млад Балдак, сын Борисьевич, перекрестился, на все стороны поклонился и возговорил громким голосом:

– Гой еси, турецкий салтан! Не прикажи казнить, прикажи слово вымолвить.

– Говори, что такое?

– Есть у меня батюшкино подареньеце, матушкино благословение – игральный рожок. Прикажи мне при последнем времени поиграть в него: себя потешить и вас повеселить.

– Играй, играй при последнем времени!

Млад Балдак заиграл весёлую – у всех разум помутился; загляделись на него, заслушались, позабыли – зачем приехали; у салтана язык не шевелится. Услыхали рожок двадцать девять молодцев, зашли с задних рядов и давай острыми саблями народ сечь. Млад Балдак до тех пор играл, пока молодцы, его товарищи, не посекали весь народ, пока не дошли они до самой виселицы.

□Тут млад Балдак, сын Борисьевич, покинул играть и молвил салтану турецкому последнее слово:

– Не ты ли дурак! Обернись-ка, назад погляди: мои гуси твою пшеницу клюют!

Салтан турецкий обернулся – весь народ побит, на земле лежит; только и осталось их трое при виселице: сам салтан с дочерью да любимый паша. Млад Балдак приказал своим молодцам повесить

салтана в петлю шёлковую, любимого его пашу в пеньковую, а меньшую дочь в лычаную. Тем дело своё покончили и отправились во славный город Киев к самому царю Владимиру.

[1] – Бахарь – баюн, говорун.

[2] – Терема.

(Голосов: 1. Рейтинг: 5,00 из 5)

Загрузка...

Русские народные сказки. А. Н. Афанасьев. Василий-царевич и Елена Прекрасная

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был царь Иван, и у того царя был брат Василий-царевич – ни в чём ему счастья не было! Самый царь на него распрогневался и выгнал из

своего дому; с той поры и прозвали его несчастным Васильем-царевичем; наконец дошёл он до такой бедности, что не имел у себя даже новой одёжи. Приходит праздник – Христов день; накануне того дня ходит весь народ царя поздравлять, а царь для того праздника дарит кого деньгами, кого чем. Вот в самую-таки страстную субботу шёл Василий-царевич куда-то по улице, и попадается ему навстречу бабка голубая шапка и говорит:

– Здравствуй, Василий-царевич! Что ходишь невесел, что головушку повесил?

А он ей в ответ:

– Ах, бабка голубая шапка! Как мне быть радостному? Приходит этакий праздник, все имеют хорошую одежду; а я, царский брат, не имею ничего, даже и разговеться нечем.

– Поди же ты, – говорит она царевичу, – к брату Ивану-царю и попроси, чтобы он тебя пожаловал – чем-нибудь да подарил».

□Василий-царевич послушался; вошёл он в царскую комнату, увидел его брат и спрашивает:

– Что скажешь, Василий Несчастный?

– Я пришёл до тебя, братец, – сказал Василий-царевич, – для такого праздника ты всех даришь, а меня ещё ничем не пожаловал.

В это время было у царя много всяких генералов, и начал царь над братом смеяться, говорит ему:

– Чем я тебя, дурака, подарю, чем пожалую?

И выносит ему царь подарочек – сорок сороков чёрных соболей, и ещё дарит золота на пуговицы, шёлку на петельки:

– Вот тебе, брат, и подарочек! Сшей из него тулуп ко христовской заутрене, и чтоб в каждой пуговице было по райской птице, по коту заморскому!

Поблагодарил его Василий-царевич, заплакал и пошёл; не рад и подарку стал. Вот он идёт да идёт по улице, и попадается ему опять навстречу бабка голубая шапка; спрашивает его:

– Чем, Василий-царевич, подарил тебя братец?

– Ой, бабка голубая шапка! Подарил мне брат сорок сороков чёрных соболей, чистого золота на пуговицы и зелёного шёлку на петельки; велел сшить ко христовской заутрене шубу, и чтобы в каждой пуговице райские птицы пели и коты заморские мяукали.

Говорит бабка голубая шапка:

– Иди за мной, Василий-царевич! Не тужи и не печалься.

Идут они путём-дорожкой, и близко ли, далеко ли, низко ли, высоко ли – приходят ко дворцу Елены Прекрасной; говорит бабка голубая шапка:

– Ты, Василий-царевич, останься за воротами, а я пойду к Елене Прекрасной и буду за тебя сватать.

Входит она к Елене Прекрасной и комнату и сказывает:

– Матушка Елена Прекрасная! Я пришла сватать тебя за Василья-царевича.

Елена Прекрасная спрашивает бабку голубую шапку:

– А где же Василий-царевич?

Она отвечает:

– Василий-царевич остался за воротами; не спросясь, не смеет взойти.

Елена Прекрасная тотчас приказала взойти Василью-царевичу, глянула на него, и он ей весьма понравился; послала она царевича в другую комнату, давала ему двух слуг и почитала его женихом своим; а бабка голубая шапка говорит:

– Ах, матушка Елена Прекрасная! Ему брат подарил на тулуп сорок сороков чёрных соболей, чистого золота на пуговицы, зелёного шёлку на петельки и приказал ко христовской заутрене шубу сшить, и чтобы в каждой пуговице пели птицы райские, кричали коты заморские.

Елена Прекрасная, выслушав, отвечает бабке, что всё будет готово. Бабка голубая шапка распростилась и ушла.

□Под вечер Елена Прекрасная выходит на свой крылец и кричит:

– Гой еси, братец Ясен Сокол, лети ко мне скоро-наскоро, время-навремя!

И вот прилетает Ясен Сокол, ударился о крылец и сделался удал молодец.

– Здравствуй, сестрица!

– Здравствуй, братец!

Кое о чём потолковали, посудачили; наконец Елена Прекрасная сказала своему братцу:

– Я выбрала себе жениха, Василия-царевича; сшей ты ему тулуп ко христовской заутрене.

Отдаёт ему сорок сороков чёрных соболей, чисто золото на пуговицы и зелёный шёлк на петельки и накрепко наказывает, чтобы в каждой пуговице пели птицы райские и мяукали коты заморские и чтобы тулуп непременно был готов вовремя.

– Не беспокойся, сестрица, всё будет сделано.

А Василий-царевич того и не ведает, что завтра будет с обновой.

□Только заблаговестили заутреню, прилетел Ясен Сокол, ударился о крылец, сделался удал добрый молодец; сестрица выходит встречать брата, а он отдаёт ей готовый тулуп. Поблагодарила Елена Прекрасная своего братца за такую услугу, отослала эту

одежу к Василью-царевичу и приказала надеть. Обрадовался царевич, нарядился и приходит в комнату Елены Прекрасной. Она тотчас приказала заложить в повозку лошадей, чтобы ехать к заутрене; перед отъездом отдала ему три яичка:

– Первым яичком похристосовайся с протопопом, второе отдай брату Ивану-царю, а третье тому, кто тебе больше мил; а в церкву войдёшь – становись впереди своего братца родного.

Приезжает он к заутрене и становится, как ему велено, поперёд брата. Царь не узнал его, сам с собой думает: что это за человек? Приказывает своему генералу подойти поближе и спросить поучтивее: кто он таков? Генерал подходит и спрашивает Василья-царевича:

– Царь приказал узнать: царь ли вы царевич, король ли вы королевич или сильный, могучий богатырь?

Он ему отвечает:

– Я здешний.

□ На отходе заутрени Василий-царевич стал наперёд христосоваться с протопопом; похристосовавшись, отдаёт ему яичко; идёт потом к брату Ивану-царю и говорит:

– Христос воскрес, братец!

Тот отвечает:

– Воистину воскрес!

И отдаёт ему Василий-царевич другое яичко; оставалось у него ещё одно. Выходит он из церкви, попадается ему Алёша Попович:

– Христос воскрес, Василий-царевич!

– Воистину воскрес!

Пристаёт Алёша Попович:

– Давай яичко!

– Нет у меня, – отвечает Василий-царевич, пришёл домой, похристосовался с Еленой Прекрасной и отдал ей третье яичко.

Она говорит:

– Ну, Василий-царевич, а я не думала, чтоб ты мне оставил яичко; теперь я согласна выйти за тебя замуж; поезжай просить своего братца на свадьбу к нам.

Василий-царевич поехал к брату; тот ему шибко обрадовался. Стал Василий-царевич просить его на свадьбу к себе; а брат спрашивает:

– Где ж ты берёшь невесту?

– Я беру невесту Елену Прекрасную.

□ Вот сыграли они свадьбу, после той свадьбы сделал Иван-царь пир на весь мир и позвал брата Василья-царевича с женой Еленой Прекрасной. Время приходит на пир идти, зовёт Василий-царевич жену свою; она говорит:

– Василий-царевич! Я так хороша, что боюсь, как бы меня не изурочили^[1]; поезжай лучше один.

Приезжает к брату Василий-царевич, а тот спрашивает:

– Что же ты один приехал, а не с женою?

– Она нездорова, братец!

Вот они много ли, мало ли попиrowали, и, подгулявши, каждый из гостей начал хвалиться; у этого то хорошо, у другого другое; а Василий-царевич молчит, ничем не хвалится. Подходит к нему брат и спрашивает:

– Ты, братец, что сидишь, ничем не похвалишься?

– Да чем похваюсь я? – говорит Василий-царевич.

– Ну, хоть тем похвались, что жена у тебя хороша.

– Да, правда твоя, братец, жена у меня хорошая.

Вдруг подбегает к Василью-царевичу Алёша Попович и говорит:

– Ну, уж хороша! Я с нею без тебя ночь спал.

Тут все гости сказали:

– Коли ты спал с нею, так поди же с нею выпарься в бане и принеси именно её кольцо; тогда мы поверим. А не принесёшь кольца – поведём тебя на виселицу.

Нечего делать, пошёл Алёша Попович, сам запечалился.

□Идёт он путём-дорожкой; попадается ему навстречу бабка голубая шапка и спрашивает:

– Что ты, Алёша, так печален?

– Как мне не печалиться! Похвалился я у царя, что с Еленой Прекрасной ночь переспал; тут все гости сказали: коли ты с нею спал, так поди ж с нею выпарься в бане и принеси именно её кольцо; а не принесёшь – велим тебя повесить.

– Не печалься, пойдём со мною! – говорит бабка.

Приходят они к дому Елены Прекрасной; бабка голубая шапка Алёшу Поповича оставляет за воротами, а сама подлезла в подворотню, вошла в сени, глядь – а перстень именно тут на лавке лежит: позабыла его Елена Прекрасная в то самое время, как после отдыха умывалась. Сохватила старая это кольцо, отдала его Алёше Поповичу да велела ему зайти на реку, намочить водой голову, будто в бане был. Он то и сделал. Приходит к царю во двор, показывает всем именно кольцо. Василий-царевич крепко огорчился, тотчас поехал домой и продал Елену Прекрасную купцам за сто рублей.

□В городе, куда увезена Елена Прекрасная, помер царь, и поэтому был клич, чтобы все сходились в тот город выбирать

царя; а царей у них выбирали так: кто войдёт в церковь со свечкой и коли свеча сама затеплится, тому и царём быть. Все перепробовали своё счастье, свеча ни у кого не затеплилась. Елена Прекрасная услышала про то и думает себе: «Дай и я пойду, попробую своего счастья». Одевается она в мужскую одежду, берёт в руки свечу и идёт в церковь; только взшла в церковь, у ней тотчас свеча и затеплилась. Все обрадовались и посадили её на царство. Стала она царствовать и не забыла распроедать о своём муже Василье-царевиче, где он и как поживает? Узнала, что он крепко по ней скучает, и послала за ним послов. Вот когда он приехал да рассказал, как и что было, Елена Прекрасная догадалась, кто были виновники ихнего горя, и помирилась с мужем.

□Послали они за Алёшей Поповичем, и он во всём им сознался, что кольцо отдала ему бабка голубая шапка, а он насаказал у царя на Елену Прекрасную нарочно, потому-де, что христосовался он с Васильем-царевичем да просил у него яичко, а царевич ему не дал. Послали и за бабкою голубую шапку; когда её привезли, тотчас начали допрашивать: зачем она украла у Елены Прекрасной именное кольцо?

– Затем, – сказала, – что ты, Елена Прекрасная, хотела меня поить-кормить три года, да не исполнила.

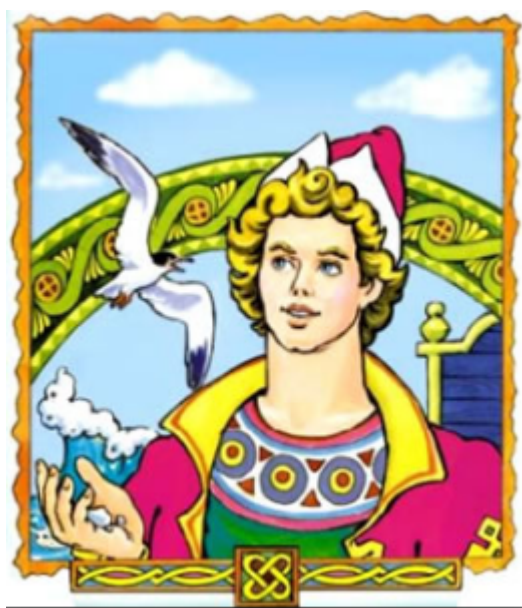
Тут повелели Алёшу Поповича и бабку голубую шапку расстрелять, а Василью-царевичу Елена Прекрасная поручила царство, и стали они жить-поживать да добра наживать.

[1] – Сглазить, навести порчу (Ред.).

(Голосов: **1**. Рейтинг: **5,00** из 5)

Загрузка...

Русские народные сказки. А. Н. Афанасьев. Данило Бессчастный

Во городе Киеве у нашего князя Владимира много слуг и крестьян, да был при нём Данило Бессчастный дворянин: придёт день воскресный – Владимир-князь всем по рюмке горького подаст, а ему в горб да в горб; придёт большой праздник – кому награда, а ему всё ничего! Накануне было светлого воскресения, во страстную субботу, зовёт Владимир-князь Данилу Бессчастного, отдаёт ему на руки сорок сороков соболей, велит к празднику шубу сшить: соболь не делан, пуговицы не литы, петли не виты; в пуговицах наказано лесных зверей заливать, в петлях заморских птиц зашивать.

□Опостылела Даниле Бессчастному работа, бросил – пошёл за ворота, пошёл ни путём ни дорогою и слёзно плачет. Идёт ему навстречу старая старуха:

– Мотри, Данило, не распороть бы те брюха! О чём ты,

Бессчастный, плачешь?

– Ах ты, старая пузырьница, – пузырьём ж... заплачена, лихорадкой подхвачена! Поди прочь, мне не до тебя!

Отошёл немного и думает: «Зачем я её разбранил!» Стал к ней подходить и такие речи говорить:

– Бабушка-голубушка! Прости меня; вот моё горе: дал мне Владимир-князь сорок сороков неделаных соболей, чтоб завтра шуба поспела; были бы часты пуговицы литые, шёлковые петли витые; в пуговицах были бы львы золотые, а в петлях были бы птицы заморские завиты – пели бы, распевали! А где мне того взять? Лучше за стойкой чарку водки держать!

□Говорит ему старуха заплатано брюхо:

– А, теперь бабушка-голубушка! Поди же ты к синему морю, стань у сырого дуба; в самую полночь сине море всколыхается, выйдет к тебе Чудо-Юдо, морская губа, без рук, без ног, с седой бородою; ухвати его за бороду и бей по тех пор, пока Чудо-Юдо спросит: за что ты, Данило Бессчастный, бьёшь меня? А ты отвечай: хочу, чтоб явилась передо мной Лебедь-птица, красная девица, сквозь перьев бы тело виднелось, сквозь тело бы кости казались, сквозь костей бы в примету было, как из косточки в косточку мозг переливается, словно жемчуг пересыпается.

Пришёл Данило Бессчастный к синю морю, стал у сыра дуба. В самую полночь сине море всколыхалось, вышло к нему Чудо-Юдо, морская губа, без рук, без ног – одна борода седая! Ухватил его Данило за ту бороду и принялся бить о сырую землю. Спрашивает Чудо-Юдо:

– За что ты бьёшь меня, Данило Бессчастный?

– А вот за что: дай мне Лебедь-птицу, красную девицу, сквозь перьев бы тело виднелось, сквозь тело бы – косточки, а из косточки в косточку мозг бы переливался, словно жемчуг пересыпался.

□Через малое время плывёт Лебедь-птица, красная девица; приплывает к берегу и говорит таково слово:

– Что, Данило Бессчастный, от дела лытаешь или дела пытаешь?

– Ах, Лебедь-птица, красная девица! Где от дела лытаю, а где вдвое пытаю. Вот Владимир-князь дал мне шубу сшить: соболь не делан, пуговицы не литы, петли не виты!

– Возьмёшь ли меня за себя? В те поры всё будет сделано!

Начал он думу думать: как возьму её за себя?

– Ну, Данило, что думаешь?

– Нечего делать, возьму за себя.

Она крылышками махнула, головкой кивнула – вышли двенадцать молодцев, все плотники, пильщики, каменщики, и принялись за работу: сейчас и дом готов! Берет её Данило за правую руку, целует во уста сахарные и ведёт в палаты княжеские; сели они за стол, пили-ели, прохлаждалися, за одним столом обручались.

– Теперь, Данило, ложись-почивай, ни о чём не помышляй! Всё будет готово.

□Уложила его спать, сама вышла на хрустальный крылец, крылышками махнула, головкой тряхнула:

– Родимый мой батюшка! Подавай мне своих мастеров.

Явились двенадцать молодцев и спрашивают:

– Лебедь-птица, красная девица! Что прикажешь делать?

– Сейчас сшейте мне шубу: соболи не деланы, пуговицы не литы, петли не виты.

Принялись за работу; кто соболь делает да шубу шьёт, кто куёт – пуговицы льёт, а кто петли вьёт, и вмиг шуба на диво сработана. Лебедь-птица, красная девица, подходит и будит

Данилу Бессчастливого:

– Вставай, милый друг! Шуба готова, а в городе Киеве у князя Владимира слышен благовест; время тебе подняться, к заутрене убраться.

Данило встал, надел шубу и пошёл. Она глянула в окошечко, остановила, дала ему серебряную трость и наказывает:

– Как выйдешь от заутрени – ударь ею в грудь; весело птицы запоют, грозно львы заревут. Ты смай шубу с своих плеч да уряди^[1] князя Владимира в тот час, не забывал бы он нас. Станет он тебя в гости звать, станет чару вина подавать – не пей чару до дна, а выпьешь до дна – не увидишь добра! Да не хвались ты мною; не хвались, что за едину ночь дом построили с тобою.

Данило взял трость и отправился; она опять его воротила, подаёт ему три яичка: два серебряные, одно золотое, и говорит:

– Серебряными похристосуйся со князем, со княгинею, а золотым – с кем тебе век прожить.

□Распростился с нею Данило Бессчастный и пошёл к заутрене. Все люди удивляются:

– Вот Данило Бессчастный каков! И шуба поспела у него к празднику.

После заутрени подходит он ко князю со княгинею, начал христосоваться и вынул нечаянно золотое яйцо. Увидел это Алёша Попович, бабий пересмешник. Стали расходиться из церкви, Данило Бессчастный ударил себя в грудь серебряной тростью – птицы запели, львы заревели, все удивляются, на Данилу глядят; а Алёша Попович, бабий пересмешник, перерядился нищим-каликою и просит святой милостыньки. Все ему подают, только один Данило Бессчастный стоит да думает: «Что я-то подам? Нет ничего!» Ради праздника великого подал ему золотое яичко. Алёша Попович, бабий пересмешник, взял то золотое яйцо и переоделся во своё платье прежнее. Владимир-князь позвал всех

к себе на закуску. Вот они пили-ели, прохлаждались, собой величались. Данило пьян напивается, спьяну женой похваляется. Алёша Попович, бабий пересмешник, стал на пиру хвастаться, что он знает Данилину жену; а Данило говорит:

– Коли ты знаешь мою жену – мне рубить голову, а коли не знаешь – тебе рубить голову!

□Пошёл Алёша – куда глаза глядят; идёт да плачет. Попадается ему навстречу старая старуха:

– О чём ты плачешь, Алёша Попович?

– Отойди, старуха-пузырница! Мне не до тебя.

– Ладно же, пригожусь и я тебе!

Вот он начал её спрашивать:

– Бабушка родимая! Что ты мне сказать хотела?

– А, теперь бабушка родимая!

– Да вот я похвастался, что знаю жену Данилину...

– И-и, батюшка! Где тебе её знать? Туда мелкая пташка не залетывала. Поди ты к такому-то дому, зови её к князю обедать; она станет умываться, собираться, положит на окно цепочку; ту цепочку ты унеси, и покажь её Даниле Бесщастному.

Вот подходит Алёша к косящату окну, зовёт Лебедь-птицу, красную девицу, на обед к князю; она стала было умываться, наряжаться, на пир собираться: в то самое время унёс Алёша цепочку, побежал во дворец и казал её Даниле Бесщастному.

– Ну, Владимир-князь, – говорит Данило Бесщастный, – вижу теперь, что надо рубить мою голову; позволь мне домой сходить да с женой проститься.

□Вот приходит домой:

– Ах, Лебедь-птица, красная девица! Что я наделал: спяну тобой похвалился, своей жизни лишился!

– Всё знаю, Данило Бессчастный! Поди зови к себе в гости и князя с княгиней и всех горожан. А станет князь отзываться на пыль да на грязь, ныне-де пути недобрые, сине море всколыхалось, топи зыбкие открылись, – ты скажи ему: не бойся, Владимир-князь! Через топи, через реки строены мосты калиновые, перево́дины^[2] дубовые, устланы мосты сукнами багровыми, а убиты всё гвоздями полужёнными: у добра молодца сапог не запылится, у его коня копыто не замараётся!

Пошёл Данило Бессчастный гостей звать, а Лебедь-птица, красная девица, выступила на крылечко, крылышками тряхнула, головкой кивнула – и сделала мост от своего дома до палат князя Владимира: весь устлан сукнами багровыми, а убит гвоздями полужёнными; по одну сторону цветы цветут, соловьи поют, по другую сторону яблоки спеют, фрукты зреют.

□Срядился князь со княгиней в гости и поехал в путь-дорогу со всем храбрым воинством. К первой реке подъехал – славное пиво бежит; около того пива много солдат попадало. К другой реке подъехал – славный мёд бежит; больше половины войска храброго тому мёду поклонилось, на бок повалилось. К третьей реке подъехал – славное вино бежит; тут офицеры кидались, допьяна напивались. К четвёртой реке подъехал – бежит крепкая водка, тому же вину тетка; оглянулся князь назад, все генералы на боку лежат. Остался князь сам-четвёрт: князь со княгиней, Алёша Попович, бабий пересмешник, да Данило Бессчастный. Приехали гости званые, вошли в палаты высокие, а в палатах столы стоят кленовые, скатерти шёлковые, стулья раскрашо́ные; сели за стол – много было разных кушаньев, а напитков заморских не бутылки, не штофы – реки целые протекли! Князь Владимир со княгиней не пьют ничего, не кушают, только смотрят: когда ж выйдет Лебедь-птица, красная девица?

□Долго за столом сидели, долго её поджидали: время и домой собираться. Данило Бессчастный звал её раз, и другой, и третий

– нет, не пошла к гостям. Говорит Алёша Попович, бабий пересмешник:

– Если б это сделала моя жена, я б её научил мужа слушать!

Услыхала то Лебедь-птица, красная девица, вышла на крылечко, молвила словечко:

– Вот-де как мужей учат!, – крылышком махнула, головкой кивнула, взвилась-полетела, и остались гости в болоте на кочках: по одну сторону море, по другую – горе, по третью – мох, по четвёртую – ох! Отложи, князь, спесь, изволь на Данилу верхом сесть. Пока до палат своих добрались, с головы до ног грязью измарались! Захотелось мне тогда князя со княгиней повидать, да стали со двора пихать; я в подворотню шмыг – всю спину сшиб!

[1] – Надень, наряди, набрось (Ред.).

[2] – Перила (Ред.).

(Голосов: 1. Рейтинг: 5,00 из 5)

Загрузка...

Русские народные сказки. А. Н. Афанасьев. Алёша Попович

На небесах зародился млад-светел месяц, на земле-то у старого соборного у Леонтья-попа зародился сын – могучий богатырь; а имя нарекли ему млад Алёша Попович – имечко хорошенькое. Стали Алёшу кормить-поить: у кого недельный, он денной такой; у новых^[1] годовой, Алёша недельный такой. Стал Алёша по улочке похаживати, стал с малыми ребятками поигрывать: кого возьмёт за ручку – ручка прочь, кого за ножку – ножка прочь; игра-то у него некорыстно пошла! Кого за серёдку^[2] возьмёт – живота лишит. И стал Алёша на возрасте; учал у отца-матери просить благословеньца: ехать-гулять во чисто́ поле. Отец говорит:

– Алёша Попович! Поезжаешь ты во чисто́ поле; есть у нас и посильней тебя; ты возьми себе в слуги верные Марышка Паранова сына.

И садились добры мо́лодцы на добрых коней; как поехали они во чисто́ поле – пыль столбом закурилася: только добрых молодцев и видели!

□ Приезжали добры мо́лодцы ко князю ко Владимиру; тут Алёша Попович прямою^[3] идёт в белокаменные палаты ко князю ко Владимиру, крест кладёт по-писаному, поклоняется по-учёному на все на четыре стороны, а князю Владимиру на особицу. И встречает добрых молодцев Владимир-князь и сажает их за дубовый стол: хорошо добрых молодцев попить-покормить и вта́пор вестей поспросить; учили добры мо́лодцы есть пряники печатные, запивать винами крепкими. Тут спросил добрых

молодцев Владимир-князь:

– Кто вы, добры молодцы? Сильные ли богатыри удалые или путники перехожие – сумки перемётные? Не знаю я вам ни имени, ни отчины.

Ответ держит Алёша Попович:

– Я сын старого соборного Леонтья-попа Алёша Попович млад, а в товарищах слуга Марышко Паранов сын.

Как поел да попил Алёша Попович, учал правиться^[4] на кирпичну печь, лёг полудновать^[5], а Марышко за столом сидит.

□В те поры да в то времечко наезжал Змеевич-богатырь и облатынил^[6] всё царство князя Владимира. Идёт Тугарин Змеевич в палаты белокаменны ко князю Владимиру; он левой ногой на порог ступил, а правой ногой за дубовый стол; он пьёт и ест и с княгиней обнимается, а над князем Владимиром играетя и ругается; он кладёт ковригу за щеку, а другую за другую кладёт; на язык кладёт целого лебедя, пирогом попихнул – всё вдруг проглотнул.

□Лежит Алёша Попович на кирпичной печи и говорит такие речи Тугарину Змеевичу:

– Было у нашего батюшки у старого у Леонтья-попа – было коровище, было обжорище, ходило по пивоварням и съедало целые кадцы пивоварные с гущею; дошло коровище, дошло обжорище до озера, всю воду из озера выпило – взяло его тут и розорвало, а и тебя бы Тугарина так за столом-то всего прирвало!

Рассердился Тугарин на Алёшу Поповича, бросил в его булатным ножом; Алёша Попович увёртлив был, увернулся от его за дубовый столб. Говорит Алёша таково слово:

– Спасибо тебе, Змеевич Тугарин-богатырь, подал ты мне булатный нож; распорю я тебе груди белые, застелю я тебе очи ясные, засмотрю я твоего ретива´сердца.

□В те поры выскакал Марышко Паранов сын из-за стола из-за дубового на резвы ноги и хватил Тугарина за навороть^[7], выхватил из-за столъя и бросил о палату белокаменну – и посыпались оконницы стекольчатые. Как возговорит Алёша Попович с кирпичной печи:

– Ой ты, Марышко, Марышко Паранов сын, ты верная слуга неизменная!

Отвечает Марышко Паранов сын:

– Подай-ка ты мне, Алёша Попович, булатный нож; распорю я Тугарину Змеевичу груди белые, застелю я ему очи ясные, засмотрю его ретива́ сердца.

Ответ держит Алёша с кирпичной печи:

– Ох ты, Марышко Паранов сын! Не руди^[8] ты палат-то белокаменных, отпусти его во чисто́ поле; некуда́ он там деваётся; съедемся с ним заутро во чистом поле.

□Поутру раным-ранёшенько подымался вместях с солнышком Марышко Паранов сын, выводил он резвых коней пить воды на быстру реку. Летает Тугарин Змеевич по поднебесью и просит Алёшу Поповича во чисто́ поле. И приезжал Марышко Паранов сын к Алёше Поповичу:

– Бог тебе судья, Алёша Попович! Не дал ты мне булатного ножа; распорол бы я поганцу груди белые, застлал бы я его очи ясные, высмотрел бы я его ретива́ сердца; теперя что возьмёшь у него, у Тугарина? Летает он по поднебесью.

Говорит Алёша таково слово:

– Не замена моя, всё измена!

□Выводил Алёша своего добра коня, обседлал во черкасское седло, подтянул двенадцатью подпругами шёлковыми – не ради басы^[9], ради крепости, поехал Алёша во чисто́ поле. Едет Алёша

по чисту полю и видит Тугарина Змеевича: он летает по поднебесью. И взмолился Алёша Попович:

– Пресвятая мати богородица! Накажи-ка ты тучу чёрную; дай бог из тучи чёрной часта дождичка крупенистого, смочило бы у Тугарина крыльица бумажные.

У Алёши была мольба доходная: накатилася туча чёрная; из той тучи грозной дал бог дождичка частого, частого да крупенистого, и смочило у Тугарина крыльица бумажные; пал он на сыру землю и поехал по чисту полю.

□ Не две горы вместе скатаются, то Тугарин с Алёшей съезжались, палицами ударились – палицы по чивьям^[10] поломались, копьями соткнулись – копьё чивьями извернулось, саблями махнулись – сабли исцербилась. Тут-то Алёша Попович валился с седла, как овсяный снопок; и тут Тугарин Змеевич учал бить Алёшу Поповича, а тот ли Алёша увёртлив был, увернулся Алёша под конное черево, с другой стороны вывернулся из-под черева и ударил Тугарина булатным ножом под правую пазуху, и спихнул Тугарина со добра коня, и учал Алёша Попович кричать Тугарину:

– Спасибо тебе, Тугарин Змеевич, за булатный нож; распорю я тебе груди белые, застелю я твои очи ясные, засмотрю я твоего ретива́ сердца.

□ Отрубил ему Алёша буйну голову, и повёз он буйну голову ко князю ко Владимиру; едет да головушкой поигрывает, высоко головушку вымётывает, на востро копьё головушку подхватывает. Тут Владимир ополохнулся^[11]:

– Везёт-де Тугарин буйну голову Алёши Поповича! Попленит он теперь наше царство христианское!

Ответ держит Марышко Паранов сын:

– Не тужи ты, красно солнышко Владимир стольный, киевский! Если едет по́земли, а не летает по поднебесью поганый Тугарин, сложит он свою буйну голову на моё копьё булатное; не

печалуйся, князь Владимир: какова пора – я с им побра́аутся!

□Посмотрел тут Марышко Паранов сын в трубочку подзорную, опознал он Алёшу Поповича:

– Вижу я ухватку богатырскую, поступку молодецкую: накруто Алёша коня поворачивает, головушкой поигрывает, высоко головушку вымётывает, на востро копъё головушку подхватывает. Едет это не Тугарин поганый, а Алёша Попович, сын Леонтья-попа старого соборного; везёт он головушку поганого Тугарина Змеевича.

[1] – Иных.

[2] – Поперёк.

[3] – Прямо.

[4] – Правиться – собраться, отправиться (Ред.).

[5] – Отдыхать после полудня.

[6] – Обратил в латинскую веру (Ред.).

[7] – На́вороть – воротник (Ред.).

[8] – Не марай.

[9] – Красоты, щегольства.

[10] – Чивье – рукоятка.

[11] – Испугался, устранился.

☒ ☒ ☒ ☒ ☒ (Голосов: 1. Рейтинг: 5,00 из 5)

☒ Загрузка...

Русские народные сказки. А.

Н. Афанасьев. Василий Буславич

Жил-был Буслав девяносто годов, живучи Буслав переставился^[1]. Остаётся его любима молода жена Ванилфа Тимофеевна, остается у неё млад сын Василий Буславич. И стал этот сын Василий Буславич с малыми ребятками поигрывать: у кого руку оторвёт, у кого голову роколет. Отдала Ванилфа Тимофеевна своего сына любимого старику Угрумищу учить – во листы писать; а выучился Василий Буславич не во листы писать, а выучился соколом летать. Вот однажды у старика Угрумища сделались пир и беседа; он не позвал на него своего любимца Василья Буславича.

□ Пришёл сам Василий Буславич на пир на беседу, из переднего угла гостей повыхватал, со скамеечки повыдергал, проводил на новы сени чёрным вязом. Старша Угрумища осерчал на него, на своего любимца, и сказал ему:

– Ты не секчи, молодой сектун! Тебе не выпить из Оби воды, не выбить из граду людей; выпьешь из Оби воду, выбьешь из граду людей – вот тебе пятьсот рублей!

Пришёл наш Василий Буславич домой к своей матери и говорит:

– Ах, матушка родимая! Я в молодых летах расхвастался, с

старшой Угрумищей рассорился.

Мать взяла его пьяного напоила и в тёмную темницу заложила.

□ Вот народ собрался с ним воевать, а он в темнице спит да спит, ничего не знат. Женщина по воду ходила и ему в окошко закричала:

– Что, – говорит, – Василий Буславич, спишь, ничего не знашь; я, – говорит, – по воду ходила, сколько людей коромыслом прибила!

Василий Буславич, услыхав эти слова, вышиб каменную стену у темницы и пошёл народ-силу бить. Старша Угрумища и возмо́ился ему:

– Гой ли ты, Василий Буславич! Уходи, – говорит, – своё сердце ретивое, утоли плеча богатырские: я тебе пятьсот сулил, а теперь отдам всю тысячу!

Вот Василий Буславич смиловался и пошёл к своей матери:

– Ах, – говорит, – матушка родимая! Я сегодня много крови пролил, много народу побил!

□ Вот мать на него осерчала, сделала ему корабль, набрала людей и отправила по́мору; сказала ему, чтоб ехал он куда хочет и рукой вслед махнула. Василий Буславич приплыл на зелёные луга. Тут лежит морская пучина – вокруго́м глаза. Он вокруг неё похаживает, сапожком её попинывает, а она ему и говорит:

– Василий Буславич! Не пинай меня, и сам тут будешь.

Вот после этого рабочие его расхутились меж собой и стали скакать через морскую пучину. Все перескочили, а он скакнул напоследке и задел её только пальцем правой ноги, да тут и помер.

[1] – Т. е. преставился, умер.

(Голосов: 1. Рейтинг: 5,00 из 5)

Загрузка...

Русские народные сказки. А. Н. Афанасьев. Илья Муромец и змей

Не в котором царстве, не в котором государстве жил-был мужичок и с хозяйскою. Живёт он богатой рукой, всего у него довольно, капитал хороший имеет. И говорят они промеж собой, сидя с хозяйскою:

– Вот, хозяйка, довольно всего у нас, только у нас детей нету; станем просить бога, авось господь нам создаст детище хотя бы напоследях, при старости.

Стали просить бога, и забрюхатела она, и время пришло – родила детище. Прошёл год, и два, и три года прошли, ноги у него не ходят, а должно б ему ходить; восемнадцать годов прошло – всё

без ног сидит.

□ Вот пошёл отец с матерью на покос убирать сено, и остался сын один. Приходит к нему нищенский братия и просит у него милостыньку:

– Хозяинушка! Сотвори старичку господню милостыньку Христа ради!

Вот он ему и говорит:

– Старичок господень, не могу я тебе подать милостыньку: я без ног.

Вошёл старичок в избу.

– Ну-тка, – говорит, – встань-ка с постели, дай мне ковшечек.

Вот, взявши, дал ему ковшечек.

– Поди, – говорит, – принеси мне водицы.

Принёс ему воды и подаёт в ручки:

– Извольте, старичок господень!

Вот он ему назад и отдаёт.

– Выпей, – говорит, – в ковше всеё^[1] воду.

Опять посылает он его за водою:

– Опять сходи, принеси другой ковшик воды.

Шедши он за водою за которое дерево ни ухватится – из корню выдернет. Старичок господень и спрашивает у него:

– Слышишь ли теперь в себе силу?

– Слышу, старичок господень! Сила теперь во мне есть большая: кабы утвердить в подвселенную такое кольцо, я бы смог поворотить подвселенную.

Как принёс он другой ковшик, старичок господень выпил полковша, а другую половину дал ему выпить: силы у него и поубавилось.

– Будет, – говорит он, – с тебя и этой силы!

Помолился старичок господень богу и пошёл домой.

– Оставайся, – говорит, – с богом!

□ Скучно ему лежать, и пошёл он копать в лес, свою силу пробовать. И ужаснулся народ, что он сделал, сколько лесу накопал! Вот идёт и отец с матерью с покосу. Что это такое? Лес весь вырыт; кто такой вырыл? Подходят ближе. Жена и говорит своему мужу:

– Хозяин, ведь это наш Илюшенька роет!

– Дура, – говорит он, – не может наш Илюшенька это сделать; пустяки, что это наш Илюшенька!

И подошли к нему:

– Ах, батюшка ты наш, как тебе господь создал это?

Вот и говорит Илья:

– Пришёл ко мне старичок господень, милостыньку просить стал; я ему и отвечаю: «Старичок господень, не могу я тебе милостыньку подать: я без ног». Вот он ко мне и пришёл в избу: «Ну-тка, говорит, встань-ка с постели, дай мне ковшичек!» Встал я и дал ему ковшичек. «Поди, говорит, принеси мне водицы». Принёс ему воды и подал в ручки. «Выпей, – говорит старичок, – в ковше всеё воду!» Выпил – и стала во мне сила великая!

□ Вот сходятся мужики на улицу, говорят промеж собою: «Вона какой он стал сильный, могучий богатырь! – называют этак мужики Илью. – Вишь он наделал какую копать! Надобно, – говорят, – в городе объявить про него». Вот узнал об нём и

государь, что есть такой сильный, могучий богатырь; призвал его к себе, и показался^[2] он государю, и нарядил его государь в платье, како следует. И показался он всем и служить стал хорошо. Вот и говорит государь:

– Сильный, могучий ты богатырь! Подымешь ли мой дворец под угол?

– Извольте, ваше царское величество! Хошь набок, как угодно подыму его.

Вот у царя дочь прекрасная, красавица такая, что не можно вздумать, ни взгадать, ни в бумаге пером написать. И показалась она ему очень, и хочет с ней обвенчаться.

□Вот как-то государь и поехал в друго государство к королю к другому. Приезжает к другому королю, а у другого короля тоже весьма хороша дочь, и повадился к ней змей летать об двенадцати голов, всеё её иссушил: совсем извелась! Вот государь и говорит этому королю:

– У меня есть такой сильный, могучий богатырь, он убьёт змея об двенадцати голов.

Король и просит:

– Пожалуйста – ко мне его пришлите.

Вот как приехал он в своё государство и разговаривает с своей государыней:

– У эакого-то короля повадился змей об двенадцати глав летать к дочери, всеё её извёл, иссосал.

И говорит:

– Илья Иванович! Не можешь ли ты послужить, его убить?

– Извольте, ваше царское величество, могу; я его убью.

□Вот государь и говорит:

- На почте поедешь и трахтами пойдёшь, так и так-то возьмёшь.
- Я верхом один поеду, пожалуйста мне жеребца.
- Войди в конюшню, – говорит ему государь, – выбирай любого.

А дочь просит его в другой комнате:

- Не ездите, Илья Иванович; вас убьёт змей об двенадцати головах, не сможете с ним сладить.

Он и говорит:

- Извольте оставаться и ничего не думать; я приеду в сохранности и в добром здоровье.

Пошёл в конюшню жеребца себе выбирать; пришёл к жеребцу к первому, наложил на жеребца руку, тот спотыкнулся; перепробовал всех жеребцов в конюшне: на которого ни наложит руку – всякий спотыкается, ни один не удержит. Пришёл к самому последнему жеребцу – так, в забросе стоял, – ударил его по спине рукой; он только заржал. И говорит Илья:

- Вот мой верный слуга, не спотыкнулся!

Приходит к государю:

- Выбрал, ваше царское величество, себе жеребца, слугу верного.

Отпускают его с молебном, со добрыми порядками.

□Сел на доброго коня, ехал долго ли, мало ли, подъезжает к горе: прекрутая, большая гора, и на ней всё песок; насили въехал. На горе стоит столб, на столбе подписано три дороги: по одной дороге ехать – сам сыт будешь, конь голоден; по другой дороге ехать – конь сыт, сам голоден; по третьей дороге ехать – самого убьют. Вот он взял да и поехал по этой дороге, по которой самого убьют; а он на себя надеялся. Долго ли, мало ли ехал лесами дремучими: не можно взглянуть – такой лес! А

тут сделалась в лесу елань^[3] такая широкая, а на ней стоит избушка. Подъезжает он к избушке и говорит:

– Избушка, избушка! Стань к лесу задом, ко мне передом.

Избушка поворотилась, стала к лесу задом, к нему передом. Слезает он с доброго коня и привязывает его к столбу. И услышала это баба-яга и говорит:

– Кто такой невежа приехал? Русского духу и дед мой и прадед не слышали, а таперьча и сама русский дух хочю очьми видеть.

□Вот, взявши, ударила она жезлом по двери, и дверь отворилась. А у ней в руках коса кривая, и хочет она ею взять богатыря за шею и срезать ему голову.

– Постой, баба-яга! – говорит он. – Я с тобой поправлюсь.

Взял у ней выдернул косу эту из рук, схватил её за волосы, ударил её и говорит:

– Ты бы прежде спросила, какой я фамилии, какого роду и какого поведения и куды еду.

Вот она и спрашивает:

– Какой вы фамилии, какого роду и куда едете?

– Меня зовут Илья Иванович, а еду туда-то.

– Пожалуйста, – говорит, – Илья Иванович, ко мне в горницу.

Вот он и пошёл к ней в горницу; она сажает его за стол, ставит на стол кушанья и напитки всякие и потчевает, а девушку послала баньку топить для него. Вот покушал он и выпарился, перестоял у неё сутки и собирается опять в путь-дорогу, куда надлежит.

– Извольте, – говорит баба-яга, – я напишу письмо к сестрице, чтоб она вас не тронула, а приняла бы с честью с хорошею.. А то она вас убьёт, как завидит!

Отдаёт ему письмо и провожает его с честью доброю, хорошею.

□ Вот садится богатырь на доброго коня и поехал лесами дремучими; ехал много ли, мало ли: не можно взглянуть – такой лес! И приезжает на елань – такая широкая елань, а на ней стоит избушка наслана. Подъезжает он к избушке, и слезает с добра коня, и привязывает своего добра коня к столбу. Услышала это баба-яга, что он привязывает к столбу коня, и закричала:

– Что такое? Русского духу и дед мой и прадед не слышали, а таперьча и сама русский дух очьми хочу видеть.

Вот она ударила жезлом по двери; дверь отворилася. И хватает она его саблю по шее; он и говорит:

– Ты не моги со мною барахтаться! Вот тебе письмо сестрица прислала.

Она прочитала и принимает его с честью к себе в дом:

– Пожалуйста ко мне в гости!

Идёт Илья Иванович. Она сажает его за стол и ставит на стол кушанья всякие, напитки и наедки^[4], потчевает, а сама послала девушку топить для него баньку. Покушавши, пошёл выпарился в бане. Двое суток он у ней перестоял, сам отдохнул, и добрый конь его отдохнул. Стал на добра коня садиться, и провожает она его с честью.

– Ну, Илья Иванович, – говорит, – таперьча тебе не проехать; тут Соловей-разбойник ждёт, на семи дубах у него гнездо свито, он не допустит на тридесять вёрст – свистом оглушит!

□ Вот он ехал долго ли, мало ли, подъезжает к тому месту, что слышал свист от Соловья-разбойника, и как до половины дороги доехал, конь его спотыкнулся. Вот он и говорит:

– Не спотыкайся, добрый конь, уж послужи мне.

Подъезжает к Соловью-разбойнику, он всё свищет. Подъехавши к

гнезду, взял стрелу, натянул и пустил в него – и упал Соловей с гнезда. Вот он его на земле и ударил снова^[5], чтобы не до смерти убить, и посадил к себе в корока^[6] на седло, и едет к дворцу. Видят его из дворца и говорят:

– Соловей-разбойник везёт кого-то в короках!

Подъезжает богатырь ко дворцу и подаёт бумагу. Подали королю от него бумагу; тот прочитал и приказал его впустить. Вот и говорит король Илье Ивановичу:

– Велите Соловью-разбойнику засвистать.

А Соловей-разбойник говорит:

– Вы бы накормили и напоили Соловья-разбойничка: у меня уста запеклися.

Вот и принесли ему винца, а он говорит:

– Что мне штофик! Вы бы бочоночек принесли мне порядочный.

Принесли ему бочонок вина, вылили в ведро. Он выпил зараз и говорит:

– Ещё бы Соловью-разбойничку две ведёрочки, так выпил бы! – да уж не дали ему. И просит король:

– Ну, прикажи, – говорит, – ему засвистать.

Илья велел ему засвистать, а короля и всю его фамилию^[7] поставил к себе под руки, под мышки:

– А то, – говорит, – он оглушит вас!

Как засвистал Соловей-разбойник, насилу остановил его Илья Иванович, ударил его жезлом – он и перестал свистать, а то было попадали все!

□Вот и говорит король Илье Ивановичу:

– Послужишь ты мне вот этакую службу, как я стану тебя просить? К моей дочери вот летает змей о двенадцати голов; как бы его убить?

– Извольте, ваше королевское величество! Что для вас угодно – всё сделаю.

– Пожалуйста, Илья Иванович; вот в таком-то часу прилетит змей к моей дочери, так постарайся!

– Извольте, ваше королевское величество!..

Лежит королева в своей комнате; в двенадцать часов и летит к ней змей. Вот и стали они драться: как ни ударит Илья, так с змея голова долой; как ни ударит, голова долой! Дрались много ли, мало ли время, осталась одна голова; и последнюю голову с него сшиб: ударил жезлом и расшиб её всю. Радёхонька же королева встала, пришла к нему и его благодарила; доложила отцу с матерью, что убит змей: все-де головы посбивал! Король и говорит:

– Благодарю тебя; изволь послужить сколько-нибудь у меня.

– Нет, – говорит, – я поеду в своё государство.

Отпустил его король от себя с честью хорошею. Вот он и поехал опять тою же дорогою. Как приехал к первой бабе-яге ночевать, приняла она его с честью; и к другой приехал, и та приняла его с честью со всякою. Приехал в своё государство и подал государю от того короля бумагу. И государь принял его с честью, а дочь государева насилу дождалася:

– Ну, тятенька, извольте, я за него замуж пойду.

Отец с ней воли не снял:

– Ну, коли угодно, так поди!

Обвенчались и таперьча живут.

-
- [1] – Так в источнике.
[2] – Понравился, полюбился.
[3] – Поляна в лесу.
[4] – Сласти.
[5] – Один раз.
[6] – Торока – мешок, сума за седлом.
[7] – Семейю.

(Голосов: 1. Рейтинг: 5,00 из 5)

Загрузка...

Русские народные сказки. А. Н. Афанасьев. История о славном и храбром богатыре Илье Муромце и Соловье-разбойнике

В славном было городе Муроме, в селе Карачарове – жил крестьянин Иван Тимофеевич. У него было любимое детище Илья Муромец; сидел он сиднем тридцать лет, и как минуло тридцать лет, то стал он ходить на ногах крепко, и ощутил в себе силу великую, и сделал себе сбрую ратную и копьё булатное, и оседлал коня доброго, богатырского. Приходит к отцу и матери и стал у них просить благословения:

– Государи мои, батюшка и матушка! Отпустите меня в славный город Киев богу помолиться, а князю киевскому поклониться.

Отец и мать его дают ему благословение, кладут на него заклятие великое и говорят такие речи:

– Поезжай ты прямо на Киев-град, прямо на Чернигов-град, и на пути своём не делай никакой обиды, не проливай напрасно крови христианской.

Илья Муромец принял у отца и матери благословение, богу молится, с отцом и с матерью прощается, и поехал в путь свой.

□И так далеко заехал во тёмны леса, что наехал на таборы разбойничьи; и те разбойники увидели Илью Муромца, и разгорелись у них сердца разбойнические на коня богатырского, и стали между себя разговаривать, чтобы лошадь отнять, что такой лошади ни в которых местах не видывали, а ныне едет на таком добром коне незнамо какой человек. И стали на Илью Муромца напущать человек по десяти и по двадцати; и стал Илья Муромец останавливать коня своего богатырского, и вынимает из колчана калёну стрелу, и накладывает на тугой лук. Пустил он калёну стрелу по-над землю, калёна стрела стала рвать на косую сажень. И, видя то, разбойники испужались и собирались во един круг, пали на колени и стали говорить:

– Государь ты наш батюшка, удал добрый мо́лодец! Виноваты мы перед тобою, и за такую вину нашу бери казны, сколько надобно, и платья цветного, и табуны лошадей, сколько угодно.

Илья, усмехнувшись, сказал:

– Некуда мне девать!.. А если хотите живы быть, так вперёд не отважьтесь! – и поехал в путь свой к славному граду Киеву.

□Подъезжает он ко граду Чернигову, и под тем градом Черниговом стоят войска басурманские, что и сметы^[1] нет, и Чернигов-град осадили, и хотят его вырубить и божию церкву на дым пустить, а самого князя и воеводу черниговского живых в полон взять. И той великой силе Илья Муромец ужаснулся; однако положился на волю создателя своего господя бога и вздумал положить главу свою за веру христианскую. И стал Илья Муромец побивать силу басурманскую копием булатным, и всю силу поганую побил, и царевича басурманского в полон взял и ведёт во град Чернигов. Встречают его из града Чернигова граждане с честью, идёт сам князь и воевода черниговский, принимают доброго молодца с честью, благодарение господу богу воссылают, что господь прислал нечаянно граду очищение и не дал всем напрасно погибнуть от такой силы басурманския; взяли его в палаты свои, и сотвориша великий пир, и отпустиша его в путь.

□Илья Муромец поехал ко граду Киеву прямою дорогою от Чернигова, которую заложил Соловей-разбойник ровно тридцать лет, не пропускал ни конного, ни пешего, а убивал не оружием, но своим свистом разбойничьим. Выехал Илья Муромец в чисто поле и увидел попрыски^[2] богатырские, и по ним поехал, и приехал на те леса Брянские, на те грязи топучие, на те мосты калиновы и к той реке Смородинке. Соловей-разбойник слышал себе кончину и несчастье великое и, не допуская Илью Муромца за двадцать вёрст, засвистал своим свистом разбойническим крепко; но богатырское сердце не утрашилось. И, не допуская ещё за десять верст, засвистал он громче того, и с того свисту под Ильёю Муромцем конь спотыкнулся. Приехал Илья Муромец под самое гнездо, которое свито на двенадцати дубах; и Соловей-разбойник, на гнезде сидя, увидел святорусского богатыря, и засвистал во весь свист, и хотел Илью Муромца убить до смерти.

□Илья Муромец снимает с себя тугой лук, накладывает калёну стрелу и пускает на то гнездо Соловьёное, и попал ему в правый

глаз и вышиб вон; Соловей-разбойник свалился с гнезда, что овсяный сноп. Илья Муромец берёт Соловья-разбойника; привязал его крепко к стремени булатному и поехал к славному граду Киеву. На пути стоят палаты Соловья-разбойника, и как поравнялся Илья Муромец против палат разбойнических, у которых окна были растворены и в те окна смотрели разбойничьи три дочери, – увидела его меньшая дочь и закричала своим сёстрам:

– Вон наш батюшка едет с добычею и везёт к нам мужика, привязанного у стремени булатного.

А большая дочь посмотрела и горько заплакала:

– Это не батюшка наш едет; это едет незнамо какой человек и везёт нашего батюшку.

И закричали они мужьям своим:

– Мужья наши милые! Поезжайте к мужику навстречу и отбейте у него нашего батюшку, не кладите наш род в таком позоре.

□ Мужья их, сильные богатыри, поехали против святорусского богатыря; кони у них добрые, копыта острые, и хотят они Илью на копьях поднять. И увидел Соловей-разбойник и стал говорить:

– Зятья мои милые! Не позорьтесь вы и не дразните такого сильного богатыря, чтобы всем вам не принять от него смерти; лучше с покорностию попросите его в дом мой выпить чару зелена вина.

По просьбе зятей поворотил Илья в дом, не ведая их злобы. Большая дочь подняла железную на цепях подворотню, чтоб его пришибить. Но Илья усмотрел её на воротах, ударил копием и ушиб до смерти.

□ И как приехал Илья Муромец в Киев-град, въезжает прямо на княженицкий двор и входит в палаты белокаменные, богу молится и князю кланяется. Князь киевский спрашивает:

– Скажи, добрый мо́лодец, как тебя зовут и из которого города

ты уроженец?

Ответ держит Илья Муромец:

– Меня, государь, зовут Ильюшкою, а по отчеству Иванов, уроженец города Мурома, села Карачарова.

Князь спрашивает:

– Которую дорогою ехал ты из Мурома?

– На Чернигов-град, и под Черниговом побил войска басурманские, что и сметы нет, и очистил Чернигов-град; и оттуда поехал прямою дорогою, и взял сильного богатыря Соловья-разбойника, и привёл его с собою у стремени булатного.

Князь, осердясь, сказал:

– Что ты обманываешь!

□Как услышали это богатыри Алёша Попович и Добрыня Никитич, они бросились смотреть и, увидев, князя уверили, что справедливо так. И приказал князь поднести чару зелена вина доброму молодцу. Захотелось князю разбойнического свисту послушать. Илья князя со княгинею обернул в шубу соболю и, поставя их под мышки, призвал Соловья и приказал в полсвиста засвистать соловьём. А Соловей-разбойник засвистал во весь разбойнический свист и оглушил богатырей так, что они упали на пол; и за то убил его Илья Муромец.

□Илья Муромец назвался с Добрынею Никитичем братьями. И оседлали они своих добрых коней, и поехали в чистые поля гулять, и ездили ровно три месяца, не нашли себе супротивника.

Только наехали в чистом поле: идет калечище^[3] прохожий; гуня^[4] на нём в пятьдесят пуд, шляпа в девять пуд, костыль в десять сажо́н. Илья Муромец стал на него коня напускать и хочет отведать с ним своей силы богатырския. И увидал калечище прохожий Илью Муромца и говорит:

– Ой ты еси, Илья Муромец! Помнишь ли, мы с тобою в одной

школе грамоте учились, а ныне ты на меня, такого калику, напускаешь коня, как на некоего неприятеля; а того ты не ведаешь, что во славном городе Киеве великая невзгодушка учинилась: приехал неверный сильный богатырь Идолище нечестивый, голова у него с пивной котёл, а в плечах сажень, промеж бровьми пядь, промеж ушей калёна стрела, а ест он по быку, а пьёт он по котлу; и князь киевский вельми о тебе соболезнает, что ты его в этакой печали оставил.

□Нарядясь в калечищино платье, едет Илья Муромец прямо на княженецкий двор и закричал богатырским голосом:

– Ой еси ты, князь киевский! Сошли мне, калечищу прохожему, милостыню.

И увидел его князь и говорит такову речь:

– Поди ко мне в палаты, калечище! Я тебя накормлю-напою и золотой казны на дорогу дам.

И вошёл калечище в палаты и стал у печи – поглядывает. Идолище просит есть. Принесли ему быка целого жареного, а он его и с костями съел. Идолище просит пить. Принесли котёл пива, а несли двадцать человек; и он взял его за уши и выпил весь. Илья Муромец говорит:

– Была у моего батюшки кобыла обжорлива, обожралась и издохла!

Идолище не утерпел и говорит:

– Ой еси ты, калечище прохожий! Что ты меня замаешь^[5]? Мне тебя нечего и в руки взять! Не то что ты, – каков был у вас Илья Муромец, я бы и с тем стычку дал.

– Да вот каков он! – сказал Илья Муромец, и схватил с себя шляпу, и ударил его в голову тихонько – только прошиб стену палат, и взял туловище (Идолищино) – туда ж выкинул. И за то князь Илью Муромца почтил великими похвалами и причёл в сильные, могучие богатыри.

[1] – Счёта, числа (Ред.).

[2] – Следы [богатырского коня] (Ред.).

[3] – Калика – нищий, просящий милостыню пением псалмов и духовных песен

[4] – Гуня – худая одежда, рубище; поддёвка, иногда рубашка.

[5] – Замать – трогать.

(Голосов: 1. Рейтинг: 5,00 из 5)

Загрузка...

Русские народные сказки. А. Н. Афанасьев. Марко Богатый и Василий Бессчастный

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был богатейший купец; у него была одна дочь Анастасия Прекрасная, и было ей всего лет пять от роду. Купца звали Марко, по прозвищу Богатый. Марко терпеть не мог нищих: только подойдут к окошку, сейчас велит слугам своим гнать их и травить собаками.

□В одно время подходят к окошку два седеньких старичка. Марко

увидал и велел их травить собаками. Услыхала то Анастасия Прекрасная и стала просить:

– Родимый мой батюшка! Хоть для меня пусти их в скотную избу.

Отец согласился и велел пустить нищих в скотную избу. Вот как все в доме заснули, Анастасия встала и пошла в скотную, залезла на полати и глядит на нищих. Пришло время быть заутрене, у икон сама свеча затеплилась; старички встали, вынули из мешочков ризы, надели и стали служить заутреню. Прилетает ангел божий:

– Господи! В таком-то селе у такого-то крестьянина родился сын; как ему велишь нареши имя и каким наделить его счастьем?

Один старичок сказал:

– Имя нарицаю ему – Василий, прозвание – Бессчастный, а награждаю его богатством Марка Богатого, у которого мы ночуем.

Анастасия всё это слышала. Рассвело. Старички снарядились в дорогу и вышли из избы. Анастасия пришла к отцу и рассказывает ему всё, что в скотной видела и слышала.

□ Отец усумнился, как бы не сбылось сказанное, и захотел испытать, точно ли родился на селе младенец; велел запрячь карету и поехал туда; приехал прямо к священнику и спросил:

– Родился ли у вас такого-то дня младенец?

– Родился, – сказал священник, – у самого бедного крестьянина; я ему нарёк имя Василий и прозвал Бессчастным, да ещё не крестил, потому что к бедняку никто в кумовья нейдёт.

Марко вызвался быть крёстным, попадью попросил быть кумою и велел изготовить богатый стол; принесли младенца, окрестили и пировали, как им было угодно. На другой день Марко Богатый призвал к себе бедняка-крестьянина, обласкал его и стал ему говорить:

– Куманёк! Ты человек бедный, воспитать сына не сможешь; отдай-ка мне его, я его выведу в люди, а тебе на прожитие дам тысячу рублей.

Старик подумал-подумал и согласился. Марко наградил кума, взял ребёнка, окутал его в лисьи шубы, положил в карету и поехал. Дело было зимою. Проехав несколько вёрст, Марко Богатый велел остановиться, отдал крестника своему приказчику и приказал:

– Возьми его за ноги и выбрось в овраг!

Приказчик взял и бросил его в крутой овраг. А Марко сказал:

– Вот там и владей моим именем!

□На третий день по той же дороге, где проехал Марко, случилось ехать купцам: везли они Марку Богатому двенадцать тысяч рублей долгу; поравнялись купцы против оврага, и послышался им детский плач. Остановились, стали вслушиваться и послали приказчика узнать, что там такое? Приказчик сошёл в овраг, видит там зелёный луг, а на том лугу сидит ребёнок и играет цветами. Приказчик рассказал про всё хозяину; хозяин вышел сам, взял ребёнка, завернул в шубу, сел в повозку, и поехали. Приезжают к Марку Богатому. Вот Марко их и спрашивает, где они взяли этого ребёнка. Купцы рассказали, и он тотчас догадался, что это Василий Бессчастный, его крестник; взял его на руки, подержал и отдал дочери: «Вот тебе, дочка, нянчай!» – а сам стал угощать купцов разными напитками и просит, чтоб они отдали ему мальчика. Купцы было не соглашались, да как Марко сказал: «Я вас прощаю всем долгом!», то отдали ему ребёнка и уехали. Анастасия так была этому рада, что сейчас нашла люльку, повесила занавесы, и стала ухаживать за мальчиком, и не расставалась с ним ни день, ни ночь. Прошёл день и другой; на третий Марко воротился домой попозже, когда Анастасия спала, взял младенца, посадил его в бочонок, засмолил и бросил с пристани в воду.

□Бочонок плыл да плыл и приплыл к монастырю. На ту пору вышел монах за водою. Послышался ему детский крик; осмотрелся он и

увидал бочонок; тотчас сел в лодку, поймал бочонок, разбил его, а в бочонке – дитя; взял его и принёс в монастырь к игумну. Игумен назвал ребёнка Васильем и прозвал Бессчастливым; с тех пор Василий Бессчастный жил в монастыре шестнадцать лет и выучился грамоте – читать и писать. Игумен его любил и сделал ключарем.

□Марку Богатому случилось ехать в иное государство за получением долгов – на годовое время, и заехал он по пути в монастырь. Здесь его встретили как человека богатого. Игумен велел ключарю идти в церковь; ключарь идёт, зажигает свечи, поёт и читает. Марко Богатый спрашивает игумна:

– Давно ли он поступил к вам в монастырь?

Игумен рассказал всё, как вынули его из бочонка и сколько тому лет назад. Марко рассчёл и узнал, что это его крестник. Вот он и говорит игумну:

– Как бы у меня был такой расторопный человек, как ваш ключарь, я бы сделал его главным приказчиком и всю казну поручил бы ему под смотренье; нельзя ли вам отдать его мне?

Игумен долго отговаривался. Марко посулил за него монастырю двадцать пять тысяч рублей. Игумен посоветовался с братией; удумали и согласились отпустить Василия Бессчастливого.

□Марко послал Василья домой и написал с ним к жене такое письмо: «Жена! Как получишь моё письмо, сейчас же отправься с этим посланным на мыльный завод и как пойдёшь возле большого кипучего котла, толкни его туда; да непременно исполни! А не исполнишь, я на тебе взыщу строго: этот малый – мне злодей!» Василий получил письмо и пошёл путём-дорогою; попадаетеся ему навстречу старичок и сказал:

– Куда ты, Василий Бессчастный, идёшь?

Василий сказал:

– В дом Марка Богатого к жене с письмом.

– Покажи письмо.

Василий вынул письмо и дал старичку; старичок сломил печать, дал Василью прочитать. Василий прочитал и прослезился:

– Что я этому человеку сделал, что послал меня на погубление!

Старичок ему сказал:

– Не печалься, бог тебя не оставит!, – дунул на письмо, печать и письмо сделались такие ж, как и были. – Ступай теперь и отдай письмо жене Марка Богатого.

□Василий пришёл в дом Марка Богатого, отдал письмо его жене. Жена прочитала, задумалась, позвала свою дочь Анастасию и прочитала ей отцово письмо, а в письме написано: «Жена! Как получишь моё письмо, на другой же день обвенчай Анастасию с этим посланным; да непременно исполни! А не исполнишь, будешь мне отвечать». У богатых людей не пиво варить, не вино курить – всё готово, весёлым пирком, да и за свадебку. Василья нарядили в хорошее платье, показали Анастасии, и Василий ей полюбился. Вот и обвенчали их.

□В один день жене Марка Богатого повестили, что прибыл к пристани её муж, и она с зятем и дочерью отправилась встречать его. Марко увидел зятя, рассердился и говорит своей жене:

– Как ты осмелилась обвенчать с ним дочь нашу?

– По твоему приказанию, – отвечала жена.

Марко спросил своё письмо, прочитал и уверился, что точно он сам то написал.

□Пожил Марко с зятем месяц, другой и третий; в один день позвал он зятя к себе и говорит ему:

– Вот тебе письмо, иди с ним за тридевять земель, в тридесятое государство, к другу моему царю Змию, получи от него дань за двенадцать лет за то, что построил он дворец на моей земле, и

узнай там о двенадцати моих кораблях, что пропадают целые три года. Завтра же поутру отправляйся!

Василий взял письмо, пошёл к жене своей и рассказал всё, что ему Марко приказывал. Анастасия горько заплакала, а упрашивать отца не посмела.

□Василий поутру рано, помолясь богу, взял с собой в котомочку сухариков и пошёл. Шёл он путём-дорогою, долго ли, коротко ли, близко ли, далеко ли, только слышит в стороне голос:

– Василий Бессчастный, куда ты идёшь?

Он оглядывается на все стороны и говорит:

– Кто меня кличет?

– Я – дуб, тебя спрашиваю, куда ты идёшь?

– Я иду к царю Змию за двенадцать лет взять с него дань.

Дуб сказал:

– Как будешь во времени – обо мне вспомни: что стоит дуб триста лет, долго ли ещё ему стоять?

Василий выслушал и отправился в путь-дорогу. Пришёл Василий к реке, на которой перевозит перевозчик. Василий сел на паром, перевозчик его спрашивает:

– Куда ты, мой друг, идёшь?

Василий ему отвечал то же, что и дубу. И перевозчик просит его напомнить царю, что перевозит он тридцать лет; долго ли ещё ему перевозить?

– Хорошо, – сказал Василий, – скажу! – и пошёл.

Приходит к морю, через море лежит кит-рыба, по ней идут и едут. Как пошёл по ней Василий, кит-рыба заговорила:

– Василий Бессчастный, куда ты идёшь?

Василий сказал ей то же, что и перевозчику, и кит его просит:

– Когда будешь во времени, обо мне вспомяни: что лежит кит-рыба через море, конные и пешие пробили у неё тело до рёбер; долго ли ей ещё лежать?

□Василий обещался и пошёл. Приходит он на зелёный луг; на лугу стоит большой дворец. Василий взошёл во дворец, ходит по комнатам; комната комнаты лучше убрана. Приходит он в последнюю и видит: на постели сидит девица-красавица и горько плачет. Как увидала Василья, встала она, подошла к нему и спрашивает:

– Что ты за человек и как зашёл в этокое проклятое место?

Василий показал ей письмо и сказал, что Марко Богатый велел взять с царя Змия дань за двенадцать лет. Девица бросила письмо в печь, а Василью сказала:

– Ты не за данью сюда прислан, а Змию на съедение. Да какими путями ты шёл? Не случилось ли тебе дорогою что видеть и слышать?

Василий рассказал ей про дуб, перевозчика и кит-рыбу. Только успели они переговорить, затряслась земля и дворец; девица тотчас заперла Василья в сундук под кроватью и сказала ему:

– Слушай же, что мы с Змием будем говорить.

□А сама стала встречать Змия. Как взошёл он в комнату, сказал:

– Что здесь русским духом пахнет?

Девица отвечала:

– Как сюда может зайти русский дух? Ты по Руси летал, русского духу наймался^[1]!

Змий сказал:

– Я сильно устал, поищи-ка у меня в голове! – и лёг на

постелю. Девушка сказала ему:

– Царь, какой я без тебя сон видела! Будто я иду по дороге, кричит мне дуб: «Скажи царю-та, долго ли мне ещё стоять?»

– Ему стоять до тех пор, – сказал царь, – как подойдёт к нему кто да толкнет его ногою, тогда он выверотится с корнем и упадёт, а под ним золота и серебра многое множество – столько нет у Марка Богатого!

– А ещё пришла я к реке, на которой перевозит перевозчик; он спрашивал, долго ли ему перевозить?

– Пусть он первого, кто придёт к нему, посадит на паром и толкнёт паром от берегу – тот и будет вечно перевозить, а он пойдёт домой.

– Ещё будто я шла по морю через кит-рыбу, и она мне говорила, долго ли ей лежать?

– Ей лежать до тех пор, покуда вырыгнет двенадцать кораблей Марка Богатого: тогда пойдёт в воду, и тело её нарастёт.

Сказал царь Змий и заснул крепким сном.

□ Девушка выпустила из сундука Василья Бессчастливого и дала ему наставление:

– По эту сторону кит-рыбе не сказывай, чтобы она вырыгнула двенадцать кораблей Марка Богатого, а перейди на ту сторону и скажи. Равно придёшь к перевозчику, на этой стороне не говори ему того, что слышал; а к дубу придёшь – толкни его ногою на восход, и тут увидишь несчётное богатство.

Василий Бессчастный поблагодарил девушку и пошёл.

□ Приходит к киту-рыбе; она его спрашивает:

– Говорил ли обо мне?

– Говорил; вот перейду и скажу.

Как перешёл, и сказал:

– Вырыгни двенадцать кораблей Марка Богатого.

Кит-рыба рыгнула, и корабли пошли на парусах – ни в чём невредимы; а Василий Бессчастный очутился от того в воде по колена. Пришёл Василий к перевозчику. Перевозчик спрашивает:

– Говорил ли царю Змию обо мне?

– Говорил, – сказал ему Василий. – Наперёд перевези меня.

Как переехал на другой берег, и сказал перевозчику:

– Кто к тебе придёт первый, посади его на паром и толкни паром от берегу; тот вечно и будет перевозить, а ты отправляйся в свой дом.

Пришёл Василий Бессчастный к дубу, толкнул его ногою, дуб свалился; под ним злата и серебра и камня драгоценного что ни есть числа! Оглянулся Василий назад, видит – плывут прямо к берегу двенадцать кораблей, что вырыгнула кит-рыба. Кораблями управляет тот самый старичок, что попался Василью навстречу, когда он шёл к жене Марка Богатого с письмом. Старичок сказал Василью:

– Вот, Василий, чем тебя господь благословил!, – а сам сошёл с корабля и пошёл своей дорогою.

Матросы переносили злато и серебро на корабли и как совсем исправилась – пустились в путь, а с ними и Василий Бессчастный. Дали знать Марку Богатому, что плывёт его зять с двенадцатью кораблями и что наградил его царь Змий несчётным богатством.

□Марко рассердился, что не сбылось по его желанию, велел запрячь повозку и поехал сам к царю Змию попенять ему. Приехал к перевозчику, сел на паром; перевозчик отпихнул паром – и Марко остался вечно перевозить. А Василий Бессчастный прибыл к жене и теще, стал жить да поживать да добра наживать, бедным

помогать, нищих награждать, поить и кормить, и завладел всем имением Марка Богатого.

[1] – Набрался.

(Голосов: 1. Рейтинг: 5,00 из 5)

Загрузка...

Русские народные сказки. А. Н. Афанасьев. Две доли

Жил да был мужик, прижил двух сыновей и помер. Задумали братья жениться: старший взял бедную, младший – богатую; а живут вместе, не делятся. Вот начали жёны их меж собой ссориться да вздорить; одна говорит:

– Я за старшим братом замужем; мой верх должён быть!

А другая:

– Нет, мой верх! Я богаче тебя!

Братья смотрели-смотрели, видят, что жёны не ладят, разделили отцовское добро поровну и разошлись. У старшего брата что ни год, то дети рожаются, а хозяйство всё плоше да хуже идёт; до того дошло, что совсем разорился. Пока хлеб да деньги были – на детей глядя, радовался, а как обеднял – и детям не рад! Пошёл к меньшому брату:

– Помоги-де в бедности!

Тот наотрез отказал:

– Живи, как сам знаешь! У меня свои дети подрастают.

□ Вот немного погодя опять пришёл бедный к богатому.

– Одолжи, – просит, – хоть на один день лошади; пахать не на чем!

– Сходи на́ поле и возьми на один день; да смотри – не замучь!

Бедный пришёл на́ поле и видит, что какие-то люди на братниных лошадях землю пашут.

– Стой! – закричал. – Сказывайте, что вы за́ люди?

– А ты что за спрос?

– Да то, что эти лошади моего брата!

– А разве не видишь ты, – отозвался один из пахарей, – что я – Счастье твоего брата; он пьёт, гуляет, ничего не знает, а мы на него работаем.

– Куда же моё Счастье девалось?

– А твоё Счастье вон там-то под кустом в красной рубашке лежит, ни днём, ни ночью ничего не делает, только спит!

– Ладно, – думает мужик, – доберусь я до тебя.

□ Пошёл, вырезал толстую палку, подкрался к своему Счастью и вытянул его по́ боку изо всей силы. Счастье проснулось и

спрашивает:

– Что ты дерёшься?

– Ещё не так прибью! Люди добрые землю пахут, а ты без просыпу спишь!

– А ты небось хочешь, чтоб я на тебя пахал? И не думай!

– Что ж? Всё будешь под кустом лежать? Ведь этак мне умирать с голоду придётся!

– Ну, коли хочешь, чтоб я тебе по́мочь делал, так ты брось крестьянское дело да займись торговлю. Я к вашей работе совсем непривычен, а купеческие дела всякие знаю.

– Займись торговлю!.. Да было бы на что! Мне есть нечего, а не то что в торг пускаться.

– Ну хотьними с своей бабы старый сарафан да продай; на те деньги купи новый – и тот продай! А уж я стану тебе помогать: ни на шаг прочь не отойду!

– Хорошо!

□Поутру говорит бедняк своей жене:

– Ну, жена, собирайся, пойдём в город.

– Зачем?

– Хочу в мещане приписаться, торговать зачну.

– С ума, что ли, спятил? Детей кормить нечем, а он в город норовит!

– Не твоё дело! Укладывай всё имение, забирай детишек и пойдём.

Вот и собрались. Помолились богу, стали наглухо запира́ть свою избушку и слышали, что кто-то горько плачет в избе. Хозяин спрашивает:

– Кто там плачет?

– Это я – Горе!

– О чём же ты плачешь?

– Да как же мне не плакать? Сам ты уезжаешь, а меня здесь покидаешь.

– Нет, милое! Я тебя с собой возьму, а здесь не покину. Эй, жена! – говорит. – Выкидывай из сундука свою поклажу.

Жена опорожнила сундук.

– Ну-ка, Горе, полезай в сундук!

Горе влезло; он его запер тремя замками; зарыл сундук в землю и говорит:

– Пропадай ты, проклятое! Чтоб век с тобой не знаясь!

□ Приходит бедный с женой и с детьми в город, нанял себе квартиру и начал торговать: взял старый женин сарафан, понёс на базар и продал за рубль; на те деньги купил новый сарафан и продал его за два рубля. И вот таким-то счастливым торгом, что за всякую вещь двойную цену получал, разбогател он в самое короткое время и записался в купцы. Услыхал про то младший брат, приезжает к нему в гости и спрашивает:

– Скажи, пожалуйста, как это ты ухитрился – из нищего богачом стал?

– Да просто, – отвечает купец, – я своё Горе в сундук запер да в землю зарыл.

– В каком месте?

– В деревне, на старом дворе.

Младший брат чуть не плачет от зависти; поехал сейчас на деревню, вырыл сундук и выпустил оттуда Горе.

– Ступай, – говорит, – к моему брату, разори его до последней нитки!

– Нет! – отвечает Горе. – Я лучше к тебе пристану, а к нему не пойду; ты – добрый человек, ты меня на свет выпустил! А тот лиходей – в землю упрятал!

Немного прошло времени – разорился завистливый брат и из богатого мужика сделался голым бедняком.

(Голосов: **1**. Рейтинг: **5,00** из 5)

Загрузка...